

Александр Бирштейн

Прогулка по улице детства

Из рассказов старожилов

Улица Жуковского... В «девичестве» Почтовая. С волнением приступаю к рассказу о ней. Дело в том, что на этой улице я родился и прожил более двух десятков первых своих лет. Происходило это в доме № 7, о котором написано несколько сотен – да-да! – рассказов. Но об этом доме потом. А пока...

Как я уже сказал, раньше улица называлась Почтовой. Интересно, что народное это название появилось раньше официального. Дело в том, что на месте бывшего дома № 33 в 1816 году была открыта почтовая контора. Хотя официальным началом почтового сообщения в Одессе следует, наверное, считать 1803 год, когда в Петербурге специально для первого градоначальника Одессы герцога Армана де Ришелье была составлена инструкция по проведению почтовых операций. Однако почтовая связь осуществлялась здесь и раньше. К слову, наиболее ранним из известных нам почтовых отправлений является письмо, адресованное в Тираспольский уездный суд, находившийся в то время, в 1798 году, в Одессе, формально принадлежавшей Тираспольскому уезду Херсонской губернии.

В 1823 году на углу нынешних улиц Жуковского и Екатерининской построили здание почты, ставшее центром почтового сообщения всей губернии. Главпочтамтом, по-нашему. Отсюда и пошло первое название улицы.

Что же касается ее переименования, то оно было реализацией специального постановления Городской думы от 29 января 1902 года, приуроченного к 50-летию со дня кончины выдающегося русского поэта Василия Андреевича Жуковского (1783-1852).

Кстати, во времена, предшествовавшие мощению улицы, она в народе носила название Болотной, так как была одной из самых грязных в городе.

Улица начинается на замыкающей ее Канатной и заканчивается пересечением с Преображенской. Первые ее номера, от Канатной до моста, связаны с именем купца Якова Новикова, имевшего там шесть собственных домов. Там же находились и домовладения графини Сабанской, и титулярной советницы Ковалевской. Впрочем, те здания давно перестроены, а «магазины» канатчика Новикова стали жилыми домами. В прежнем виде частично сохранились только строения под номерами 2 и 7. То же происходило и вдоль всей улицы.

Я буду рассказывать вам лишь о тех домах, где жили люди, сыгравшие значительную роль в истории города, страны, а иногда – и мира.

Таким был, например, дом Абазинского, № 4, построенный в 1881 году архитектором А.Э. Шейнсом. Впрочем, в парадной слева при входе во двор указана другая дата – 1865 год. Примерно такого же возраста и флигель во втором дворе, выходящий окнами на нынешнюю улицу Бунина. Еще одно разночтение имеется и с определением прежних владельцев дома, ибо некоторые справочники указывают на Х.И. Мировского и М.М. Магнера.

Сюда с улицы Еврейской, 1, переехала однажды семья Жаботинских – мать Ева Марковна и дети, Тереза и Владимир. Тереза (Тамара) впоследствии стала учредителем частной женской гимназии, а ее брат Владимир (Зеев) Жаботинский – писателем, журналистом, поэтом, переводчиком, а главное – лидером правого сионизма, основателем и идеологом движения сионистов-ревиzionистов, создателем Еврейского легиона... В некоторых источниках указано, что Жаботинский жил тут с женой Анной и сыном, но я остаюсь при своем мнении и информации.

Владимир (Зеев-Вольф, Вольф Евнович) Жаботинский родился в Одессе 18 октября 1880 года (12 хешвана 5641 года) в ассимилированной еврейской семье. Отец Евно (Евгений Григорьевич) Жаботинский, служащий Российского общества мореходства и торговли, занимавшегося закупкой и продажей пшеницы, был выходцем из Никополя; мать Хава (Эвва, Ева

Марковна) Зак (1835-1926) происходила из Бердичева, правнучка Маггида – из Дубно.

В. Жаботинский с 16 лет начал публиковаться в крупнейшей в России провинциальной газете «Одесский листок», сотрудничал и в других изданиях, даже столичных. Был он другом детства и юности другого нашего земляка – Корнея Чуковского, публикации первой статьи которого активно способствовал. «Он ввел меня в литературу», – говорил о Жаботинском Чуковский.

Именно Жаботинский выдвинул идею, что сионистам следует однозначно принять сторону Антанты и сформировать в составе ее сил еврейскую армию, которая бы приняла участие в освобождении Палестины, а затем стала костяком организации там еврейского государства. Находясь в Египте, он совместно с Иосифом Трумпельдором сформировал в составе британской армии Еврейский легион. Эти события Жаботинский впоследствии описал в книге «Слово о полку» (1928 год). Кроме того, он резко отрицательно относился к активному участию евреев в Февральской и Октябрьской революциях.

Пик литературного творчества Жаботинского, чей литературный талант отмечали Горький и Куприн, пришелся на период между первой и второй мировыми войнами. Тогда им были опубликованы романы «Самсон Назорей» (1926) и «Пятеро» (1936), мемуары «Повесть моих дней» (на иврите, русск. перевод 1985) и «Слово о полку» (1928).

Автобиографический роман «Пятеро» (1936), изображающий трагическую судьбу еврейской семьи, ассимилировавшейся в Одессе в 1905 году, – одно из лучших прозаических произведений 1930-х годов.

В доме № 5, построенном в 1934 году для моряков торгового флота, жила поэтесса Вера Инбер. Она была двоюродной племянницей Льва Троцкого и все дни после его изгнания была постоянно готова к самому худшему. Инбер писала правильные стихи, голосовала за кого надо и... все равно боялась. Вера Инбер написала много книг, но в памяти потомков чаще всего всплывает своей песенкой «Девушка из Нагасаки».

А 5-й и 7-й дома все еще спорят о том, в каком из них жил знаменитый Лева Задов (Лев Николаевич Зиньковский), про-

тотип одного из заметных персонажей романа-трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам», имя которого обросло домыслами и легендами.

П. Аршинов: «Начальник армейской контрразведки, а впоследствии – комендант особого кавалерийского полка. Рабочий. До революции пробыл свыше 10 лет на каторге (!) по политическому делу. Один из активнейших деятелей революционного повстанчества».

Алексей Толстой: «Имя Левки Задова знали на Юге все не меньше, чем самого батьки Махно. Левка был палач, человек такой удивительной жестокости, что Махно будто бы даже не раз пытался зарубить его, но прощал за преданность...».

На самом деле Алексей Толстой, пользуясь как художник правом вымысла, своего Леву Задова, конечно, выдумал. Выдумал от внешности героя до его биографии.

Доподлинно известно, что Л. Зиньковский не был одесситом, как писал о нем А.Н. Толстой. Он родился в 1893 году в еврейской земледельческой колонии Веселая в семье крестьянина. В 1900 году семья переехала в Юзовку, где ее глава занялся извозом. Таким образом, Алексей Толстой, в общем-то, был прав, когда писал, что Левка Задов – сын биндюжника, но только не с Пересыпи, а из Юзовки. Лева Задов, если принять во внимание его природные способности, вполне мог бы окончить с золотой медалью реальное училище (как придумал А. Толстой), если бы он туда поступил. Но Левку отдали в хедер. В русской школе он вообще не учился. Трудно представить себе, как мог начальник контрразведки махновского корпуса, а впоследствии полковник госбезопасности НКВД, составлять деловые бумаги.

Впрочем, до этого еще далеко. Служба в Красной Армии, служба у Махно, бегство за Днестр, возвращение, служба в органах НКВД... Богатая биография, правда? Не без оснований говорили, что Лева Задов, вернувшийся в СССР в 1924 году, купил себе жизнь и высокую должность, выдав чекистам места расположения кладов Махно. Но сколько веревочке ни виться...

Его арестовали 3 сентября 1937 года. Обвинили в связях с иностранными разведками, прежде всего с румынской. Ну и расстреляли, конечно.

Впрочем, № 7 вполне может забыть об этой одиозной личности, ибо в этом доме родился... я! Шутка, конечно.

Дом был известен и другими подробностями личной истории. Своими банями, например, просуществовавшими более ста лет. В советское время последняя баня существовала под гордым номером один и была весьма посещаемая жителями окрестных улиц. В этом же доме до 1956 года была винарка, а напротив будка, где торговали пивом. Можете себе представить, как весело тут было, допустим, по субботам. Разумеется, после бани...

Собственно, они неразделимы – дом и мост, одно из первых капитальных сооружений в Одессе, которое в начале 1820-х годов соединило оба склона Карантинной балки и тем самым обеспечило надежное транспортное сообщение между отдельными участками Почтовой улицы. До того обозы, направлявшиеся в гавань, вынуждены были спускаться на дно балки. Маршрут был настолько опасным, что на ночь въезд в Карантинную балку с обеих сторон Почтовой перегораживался цепью. Поэтому сначала через овраг был перекинут деревянный мост. Но он не отвечал облику Почтовой улицы, и вскоре был построен каменный, в основном на средства Якова Новикова.

За мостом ныне появились две высотки – монстры, которые, как по мне, улицу не украшают.

На углу Жуковской и Польской мне нравится бывшее здание бывшей Одесской конторы Российского государственного банка, построенное в 1880-1881 гг. архитектором В.Ф. Маасом.

Членом учетного комитета банка от купечества был и Василий Сильвестрович Кандинский, потомственный почетный гражданин города, отец выдающегося русского живописца, графика и теоретика изобразительного искусства, основоположника абстракционизма Василия Васильевича Кандинского.

Позднее тут располагались казармы пограничников, потом – морская прокуратура. Сейчас офисы, офисы, офисы...

Интересен и дом № 13. Прежде всего – владельцем. Первоначально это был склад Л. Герри, возведенный в 1845 году по проекту архитектора И.О. Даллакка и впоследствии перестроенный под доходный дом, владельцем которого стало семейство Анатра. Этот дом принадлежал семейству Анатра вплоть до революционных лет.

Семейство Анатра владело несколькими доходными домами, банками, входило в различные общества и правления других банков, занималось реализацией автомобилей и постройкой самолетов... Существовал Торговый дом «Братья Анатра», занимавшийся пароходным и транспортным бизнесом. Это семейство заслуживает отдельного рассказа.

Пристальное внимание привлекает дом на Жуковского, 18, – здание бывшей Бродской синагоги. Ее история связана с еврейскими переселенцами из Австрии и Германии, которые начали заселять Одессу с 1820-х гг. Их называли «бродскими» евреями по имени города Броды в Галиции (сейчас это Западная Украина). Здание построено в 1863 г. по проекту зодчего И.Н. Колловича. Это первая на юге империи хоральная синагога, в которой богослужение проводилось с музыкальным сопровождением. Хоральные синагоги имели помпезные формы, величественные силуэты, оригинальные купола; они стремились отразить в архитектурных формах пафос древнейшей еврейской святыни – Иерусалимского Храма, одновременно придавая зданию более светский, европейский характер. В этих синагогах была прекрасная акустика. В Бродской синагоге пел непревзойденный П. Миньковский, а регентом был всемирно известный композитор Д. Новаковский.

Бродская синагога стала первым реформистским храмом в Российской империи. Она навсегда запечатлена в рассказах Бабеля.

С 1925 г. в здании синагоги содержится областной архив. Здание находится в аварийном состоянии, и его долго и нудно с 2011 года передавали одесской еврейской общине. Наконец недавно принято решение переселить архив аж в Александровку (село, известное лишь своей психушкой), что вызвало возмущение и специалистов, и просто жителей.

Далее стоит обратить внимание на дом № 22, где жил Исаак Бабель, наверное, самый известный из одесской плеяды писателей. Он создал величайшее, на мой взгляд, произведение – «Конармия». Но большинство читателей ценит его за цикл «Одесских рассказов».

Окна бывшей квартиры Бабеля выходят на дом № 24 – здание школы № 117. А перед школой на небольшой площадке

установлен памятник Бабелю, так ориентированный, что кажется, будто Бабель неотрывно и близоруко смотрит на свое бывшее жилье.

Памятник был открыт 4 сентября 2011 г. Идея его создания вызрела к 2007 году. Ее автор – вице-президент Всемирного клуба одесситов В. Хаит. Средства собирались по всему миру – среди бывших одесситов и просто равнодушных любителей литературы. Победителем конкурса на лучший проект памятника стал московский скульптор Г. Франгулян, автор установленного на Арбате в Москве памятника Б. Окуджаве.

А напротив, на нечетной стороне улицы, красуется под номером 21 дом Шполянского, построенный в середине позапрошлого столетия. В начале прошлого века здесь проживала известная в городе личность – присяжный поверенный Осип Яковлевич Пергамент, юрист, общественный деятель и писатель. В 1894 году он выдержал перед юридической государственной комиссией серьезный экзамен и вступил в адвокатуру. Вскоре выдвинулся как уголовный защитник; в годы освободительного движения выступал в самых крупных политических процессах. Был депутатом Государственной думы. 6 мая 1909 года в петербургских газетах появилось сообщение: «Вчера в 7 часов вечера, умер член Государственной думы, присяжный поверенный округа С.-Петербургской судебной палаты Осип Яковлевич Пергамент. Смерть эта неожиданная и преждевременная – ему не было сорока лет – несомненно, стоит в непосредственной связи с привлечением его к следствию по делу о бегстве Ольги Штейн, защитником которой он состоял в последний раз, когда разбиралось ее дело... Какая причина этой странной смерти – говорят разное. Иные приписывают ее самоубийству, а именно отравлению, имевшему место еще в пятницу. Яд покойный, как говорят, носил всегда при себе. Другие – нервному потрясению, происшедшему от неожиданно полученного известия, подействовавшего на него угнетающим образом и приведшего к разрыву сердца».

Кто же такая Ольга Штейн, преждевременно сведшая в могилу О.Я. Пергамента? Ольга Григорьевна (Зельдовна) Штейн (урожденная Сегалович) – известная мошенница начала прошлого века. Она провернула не одну громкую аферу, но 13 августа

та 1906 года Ольга Григорьевна выйти сухой из воды не смогла, была арестована и препровождена в дом предварительного заключения. Обвинительный акт содержал солидный список ее преступлений. По данным судебных протоколов, только свидетелей и потерпевших набралось более ста двадцати человек. Ее жертвами были весьма состоятельные и даже богатые люди. Не брезговала Ольга и ограблением бедняков, доверивших ей последние сбережения.

Генеральша поняла, что ее ждет суровое наказание. Вот тут и подвернулся Осип Яковлевич Пергамент, посоветовавший Ольге Григорьевне бежать за границу, что она и сделала. Полиция долго не могла напасть на след аферистки, хотя тайно вскрывались все письма ближайшего ее окружения. Наконец сыщики обратили внимание на письмо из Нью-Йорка депутату О.Я. Пергаменту от некоей Амалии Шульц, которая просила выслать по указанному адресу некую сумму денег. Письмо было внимательно изучено. Почерк сличили с имеющимися образцами. Сомнений не оставалось: письмо писала Штейн. Аферистка была арестована американской полицией 25 февраля 1908 года в одной из гостиниц Нью-Йорка. Штейн доставили в Испанию, а затем переправили в Петербург.

Судебный процесс по ее делу возобновился 4 декабря 1908 года. Вот тут и всплыло имя Осипа Яковлевича Пергамента, уличенного в подготовке побега О.Г. Штейн. Его собрались арестовать...

Хоть это, в общем-то, не по теме, но, наверное, стоит рассказать о дальнейшей судьбе аферистки. Пергамент умер, а Ольгу Григорьевну Штейн приговорили всего лишь к 16 месяцам тюрьмы. Освободившись и сменив очередного супруга, Ольга взялась за старое. В 1915 году новоявленную баронессу фон дер Остен-Сакен вновь усадили на скамью подсудимых. От пяти лет тюрьмы ее спасла революция.

Но и при новом режиме ловкая мошенница не изменяла старым привычкам.

В 1920 году она «кинула» простого советского гражданина Ашарда – увела его драгоценности, пообещав взамен мануфактуру, крупу и сахар. Приговор гласил: пожизненные общественно-

принудительные работы. Мотая срок в Костроме, Ольга, разменявшая пятый десяток, соблазнила начальника колонии Кротова и бежала с ним в Москву. Здесь она вновь раскатывала на собственноручно угнанных авто и собирала пожертвования в пользу голодающих и инвалидов войны. Но в 1923 году Кротов, прикрывая Ольгу, погиб в перестрелке с УГРО. Схваченная мошенница позже обвинила его в изнасиловании, избиении, запугивании и использовании себя в несправедных делах.

И баронессу отдали на поруки родственникам. Любое доброе деяние наказуемо – вскоре легкомысленная родня лишилась всей своей наличности и в 1924 году Штейн приговорили к 12 месяцам лишения свободы условно. Это последняя официальная дата в ее уголовном деле. Мадам навсегда исчезла из поля зрения правоохранительных органов. Говорят, что вышла замуж за инвалида-красноармейца и до конца своих дней торговала квашеной капустой на Сенном рынке. Но это уже из области домыслов...

Следует сказать, что по сведениям А. Дроздовского и Е. Красновой, г-н Пергамент жил вовсе на Пушкинской, 72, в собственном доме.

А мы пойдем дальше. Недалеко. До перекрестка улиц Жуковского и Екатерининской. В 25-м номере, вернее, в специально выстроенном по проекту архитекторов Ф. Бунша и Ф. Фраполли доме, что стоял на этом месте, и располагалась первая одесская почта. Ныне там расположен Укртелеком.

Напротив, по четной стороне под номером 26, находится бывший торговый дом Кроне, построенный в 1902 году архитектором Ландесманом.

Дом 28 построен в 1841 году архитектором Л.В. Комбиаджо. Обращают на себя внимание барельефы на его стенах, символизирующие промышленность и сельское хозяйство.

Интересен и дом № 27, где с 1887 по 1913 годы проживал известный ученый-библиограф Михаил Федорович Комаров, в семье которого часто останавливалась Леся Украинка.

О выдающемся украинском библиографе, писателе, этнографе Михаиле Комарове стоит рассказать отдельно. Комаров – первый библиограф произведений Т. Шевченко. Его квартира стала местом встреч украинской интеллигенции. Тут бывали Михаил

Грушевский, Мария Заньковецкая, Михаил Коцюбинский, Иван Карпенко-Карый, Иван Нечуй-Левицкий, Иван Франко и, как уже говорилось, Леся Украинка. М. Комаров был одним из инициаторов создания «Просвиты».

На углу улицы Жуковского и Александровского проспекта, на месте дома протоиерея Покровской церкви и шахматного клуба расположился высотный дом, далее – здание гимназии № 1, бывшей школы 119.

Сама 119-я школа нынче принимает только младшеклассников и находится в доме напротив, в 39-м номере. Здание очень милое, построенное в 1836 году по проекту архитектора Боффо.

По этому адресу раньше функционировала женская гимназия О.Г. Шольп, где училась Вера Инбер. Математику в гимназии преподавал, кстати, Борис Федорович Цомакион. Он родился в Одессе 9 октября 1879 года, окончил одесскую 4-ю гимназию и отделение математических наук физико-математического факультета Новороссийского университета. Участник русско-японской и первой мировой войны, вышедший в отставку в чине прапорщика, он посвятил свою жизнь педагогике – преподавал в гимназиях математику и космографию. В 1920 году его в первый раз задерживала ЧК, но отпустила как нужного высшей школе специалиста. Повторно Цомакиона арестовали 24 января 1931 года – тут уж постаралась ОГПУ по Одесской области. Но и это дело было прекращено в связи с недоказанностью обвинения. Позже Цомакион стал профессором, членом-корреспондентом Академии наук УССР, заведующим кафедрой Одесского института связи. Он проживал на улице Баранова, когда в 1938 году был в третий раз арестован и на сей раз отправлен в ссылку, в Красноярский край на 5 лет. После ареста Цомакиона его жена, народная артистка Ольга Благовидова, публично, через прессу, отказалась от него. Тогда же был арестован и в 1939 году расстрелян брат Бориса Федоровича, прекрасный художник, профессор медицины Георгий Федорович Цомакион.

В 1943 году ссылка окончилась. Борис Федорович поселился в Красноярске и стал профессором местного педагогического института. За несколько дней до намеченного возвращения в Одессу он скончался. Случилось это в 1956 году.

Интересен и № 38 – Дворец культуры имени Леси Украинки. Он был возведен в 1954-55 гг. на месте разрушенного в войну Епархиального дома с церковью и дома Духовной семинарии (архитектор В.А. Маас).

Семинария носила название одесской и существовала на этом углу до 1903 года, когда получила новое пристанище на Канатной. Преподавал здесь дядя Валентина Катаева и Евгения Петрова Николай Васильевич Катаев. В годы войны в подвале этого дома работала подпольная радиостанция.

И, наконец, дом № 43, построенный в 1845 году архитектором И.О. Даллакв. Принадлежал он некому В. Левторопуло. А в 1911 году некоему Розенблату. А интересен тем, что тут в семье логопеда Копа в 1901-1903 гг. квартировал В. Жаботинский, о котором мы уже вспоминали.

